

Европеисты и евразийцы в российском империализме

Подобно эволюции российской экономической структуры, изучение эволюции политики и идеологии также стоит начинать с 1990-х годов, поскольку именно тогда перерабатывались материалы из политических культур, сложившихся на протяжении веков.

Продолжим следовать реконструкции Катарини Блюм из книги 2023 года *“Russland und der Westen”*: основная идея заключается в том, что стратегия Владимира Путина направлена не на восстановление империи или СССР, не на то, чтобы замкнуться в евразийской изоляции, а на то, чтобы определить будущее место России в многополярном мире. Для этого ему следует привести к синтезу различные политические и идеологические интересы и течения.

Кто потерял Россию?

Именно провал западнической линии в последнее десятилетие прошлого века в очередной раз дал запуск *«нелиберальному консервативному контрдвижению»*. Ответственность за это, *«прямая или косвенная»*, приписывается самому Западу. То, что произошло в области экономических сил, повторилось и в области внешней политики: реакция на непризнание России великой державой и связанный с этим риск подчинения.

В качестве примера приводится один эпизод. В преддверии выборов 1996 года Борис Ельцин обратился к Биллу Клинтону за политической и финансовой поддержкой. Благодаря вмешательству американского президента российское правительство получило новый кредит в размере 10,2 миллиарда долларов; взамен Ельцин в мае 1997 года подписал соглашение, которое окончательно открыло путь к расширению НАТО в Восточной Европе.

На тех выборах риск для Ельцина и Запада представлял Геннадий Зюганов со своей КПРФ. Политическую линию последнего, пишет Блюм, *«с трудом можно назвать коммунистической»*: *«Он считал, что противопоставление “капитал – труд” больше не актуально, потому что реальный антагонизм находится между национальными интересами и интересами иностранных “компрадоров”*». В общем, *«новый национал-коммунизм»*. Уместное уточнение.

Поворот Примакова

Столкновение в начале 1990-х годов вокруг экономических программ развело в противоположные лагеря исполнительную власть, призывавшую к ускоренной либерализации, и законодательную, требовавшую замедления реформ. В октябре 1993 года это привело к залпам из пушек по парламенту, в котором забаррикадировались *“консерваторы”*. В декабре была принята новая Конституция с президентским уклоном. Несколько её статей окажутся в центре последующих столкновений: статья 13, исключая государственную идеологию, и особенно статья 15, отдающая приоритет международному праву и договорам над национальной правовой системой. Это были годы *иллюзий* относительно возможной интеграции *на равной основе* с западными державами.

Последние годы века ознаменовались наступлением переломного момента: Евгений Примаков, бывший директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), а затем директор Службы внешней разведки (СВР), в 1996 году стал министром иностранных дел и премьер-министром в 1998–1999 годах. Он сыграл важную роль в определении экономической политики по выходу из финансового кризиса тех лет: запустил своего рода *“Новый курс”*, основанный на сильном и интервентистском государстве, ограничил движение капитала и сумел стабилизировать ситуацию. Однако ключевое значение деятельности Примакова состояло в определении внешней политики: в её основу был положен тезис, что Москва не может ждать восстановления своей мощи, чтобы проводить независимую политику, а должна стать активной частью *«многополярного мира»*, безусловно, сохраняя западную связь, но также подстраховываясь восточным направлением, связями с Индией и Китаем, зонами наибольшего развития.

Большая Европа и Большая Евразия

Путин открывает новое столетие программным документом своего президентства *“Россия на рубеже тысячелетий”*, который, как отмечает Блюм, был написан Владиславом Сурковым, будущим теоретиком *«суверенной демократии»*. Путин объявляет себя прагматичным

сторонником государства как главной движущей силы перемен: «Мы сможем рассчитывать на достойное будущее, только если сумеем универсальные принципы рыночной экономики и демократии органически соединить с реальностями России» (“Независимая газета”, 30.12.1999). Во внешней политике он выступает за «Большую Европу», а не за евразийский проект, определяя Россию как европейскую страну.

Дмитрий Тренин, бывший полковник СССР, а затем директор московского Центра Карнеги до объявления его вне закона в 2022 году, указывает на главную причину, отчего эта стратегия не сработала: общий европейский дом уже заселён, находится под защитой американского зонтика и без России.

Именно трудности на Западе заставляют возвращаться и укрепляться евразийские тенденции. В 2011 году Путин запустил Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который вступил в силу в 2015-м. Однако спорно, что в основе проекта лежали исключительно “восточные” связи, поскольку он задумывался также в качестве предложения Украине для общей интеграции в Европу с более сильных позиций: последующие события свели эту перспективу к нулю.

Основная идея, и консерваторов в том числе, заключается в том, что России необходимо экономическое пространство в виде расширенного внутреннего регионального рынка, особенно в условиях появления Китая и Индии. Это решающая ставка для гарантии роли великой державы, поэтому все попытки исключить “ближнее зарубежье” из орбиты Москвы рассматриваются как своего рода объявление войны.

Не стоит, однако, забывать, что с этой точки зрения “враг” находится как в Вашингтоне, так и в Пекине: американско-китайская биполярность, отмечает Блюм, является кошмаром для нелиберальных консерваторов, поскольку она похоронила бы возможность создания евразийского макрорегиона под контролем России. Модернизированный Китай рассматривается как угроза, поскольку в таких условиях Россия рискует попасть под протекторат Поднебесной. Это стратегическое ограничение любой евразийской позиции.

Дифференцированное евразийство

Блюм проводит конкретный анализ феномена евразийства, который мы здесь лишь кратко изложим. Для этого она берёт на вооружение определение «мыслителей», данное Марксом и Энгельсом в “Немецкой идеологии”: это те, кто делает «главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса [буржуазии] о самом себе», осуществляя своего рода разделение труда с «активными членами [этого класса, которые] имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе». Между теми, кто действует, и теми, кто думает, пишут Маркс и Энгельс, возможно «расщепление», которое «может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды»¹, по крайней мере, до тех пор, пока внешнее столкновение не угрожает самой буржуазии. Это соображение мы должны всегда иметь в виду при материалистическом анализе идеологий, избегая механистического прочтения.

Блюм выделяет три основных направления современного российского евразийства, отождествляя их с тремя идеологами. Александр Панарин (1940–2003) рассматривает Евразию как проект «русско-православной цивилизации», федералистский, проводя параллель с США: консервативный поворот в России обращён на Восток, как в Америке – на Запад и Техас.

Вадим Цымбурский (1957–2009) определяет Россию как “евразийский остров”, центр которого находится не на “петровском” Западе, а простирается от Волги, через Урал, до Сибири; он оспаривает “имперское” видение Дугина и более того признаёт, что впервые за 300 лет Россия, уйдя в военном плане из Европы, освободила себя от ответственности за этот регион.

Более известного Александра Дугина, родившегося в 1962 году, она, напротив, называет «евразийским реваншистом», сторонником имперского, агрессивного проекта: он видит в евразийстве историческую миссию и доминирующую идею российского «государства-цивилизации».

Из этих простых заметок можно сделать вывод о многообразии феномена евразийства, который часто поверхностно отбрасывается и упрощается. Не следует также забывать, что

это *лишь одно* направление внешней проекции России, которое активизировалось в связи с *ситуацией шаха* на западном фронте, в частности в Европе.

Политическая оболочка

Задачу политического представления экономической структуры, насколько бы сложной та ни была, исполняет «Единая Россия» в роли центристской (и центральной) партии, вокруг которой вращается созвездие мелких и взаимозаменяемых партий, часто учреждаемых специально. Таковой была «Родина», созданная в 2003 году с конкретной целью отнять голоса у КПРФ: проект оказался успешным настолько, что в 2006-м Кремль положил конец эксперименту, создав «Справедливую Россию», партию социал-демократического толка, которая в дальнейшем станет частью так называемой «системной оппозиции», характерной для нынешнего политического ландшафта. Другая партия, «Новые люди», чей кандидат в президенты Владислав Даванков собрал часть протестных голосов на выборах в марте 2024 года, появилась на парламентских выборах 2021-м; её будущее на данный момент неясно.

В политической эволюции России в направлении *«нелиберального консерватизма»* необходимо учитывать две даты. 2012 год, когда Путин вернулся на президентский пост после вынужденной интермедии Дмитрия Медведева, считается моментом манифестации консервативного поворота. Он подытожил четырёхлетний период, отмеченный мировым финансовым кризисом, планами расширения НАТО на Украину и Грузию, собственно грузинской войной с признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, а также «арабскими вёснами» и последовавшими за ними событиями в Ливии и Сирии. Наступает разочарование в Западе. Таким образом, апелляция к традиционным ценностям России сопровождается претензией на независимость и национальный суверенитет как в области идеологии, так и во внешней политике.

Российская империалистическая демократия

Вторая дата – 2020 год, когда была принята новая Конституция. Блюм считает её *«важнейшим документом новой российской государственной идеологии»*. Центральным моментом является отказ от двух пунктов, которые мы видели в предыдущей Конституции 1993 года. С одной стороны, утверждение государственной идеологии *«нелиберального консерватизма»*, в центре которой находится концепция *«государства-цивилизации»*. С другой – утверждение превосходства российского права над международным, сопровождающаяся демонстративным утверждением национального суверенитета. Это тема будет использована в том числе и в украинской войне 2022 года.

Остаётся нерешённой проблема сменяемости верхушки: власть упорядочена в виде пирамиды, выстроенной вокруг персоны Путина, но, по мнению Блюм, *«элита не смогла найти единодушного консенсуса по таким фундаментальным вопросам, как национальная идентичность, геополитическая ориентация, политические институты и экономическая модель»*. Таковы проблемы российской империалистической демократии.

Июнь 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 46.